

Нелли Иванова-Георгиевская
**ИРОНИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ
ЧТЕНИЯ**

Во второй половине XX века понятие «чтение» обрело статус специальной методики работы с текстом, утратив в рамках постструктуралистской парадигмы значение обычной процедуры распознавания и воспроизведения знаков, совершаемой при восприятии письменного текста. В концепции Р. Барта чтение, в этом специально-узком значении, было противопоставлено другой методической процедуре – критике, что стало возможно на основании различения *текста* как гетерогенного механизма порождения множественности смыслов, как становления и *произведения* как ставшей структуры, удерживающей единственный смысл [1, с. 413–423]. Текст, при таком различении, не фиксирует определенные жанровые признаки, свою принадлежность автору и социокультурную обусловленность, оставляя это все произведению, которое в семиологическом отношении оказывается ориентированным на означаемое. Текст же – это своеобразная ткань, сотканная из пространственно многолинейных означающих [1, с. 417], что и обуславливает его принципиальную смысловую множественность. Барт различает позицию читателя и критика по отношению к произведению [2]. Критик стремится утвердить открывшийся ему единственный смысл произведения, объективируя его на основании «вкуса» и «оценок», пользуясь вторичным метаязыком. Читатель же включается в вольную прогулку по тексту ради удовольствия от текста, реализуя процедуру чтения как уникальный, одноразовый акт движения по случайным сцеплениям данного текста с другими. Чтение соткано из взаимодействия «цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры..., старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию» [1, с. 417–418]. Именно чтение способно открыть и гетерогенность текста, и его текучесть, его природу *сети* внутритекстовых и интертекстуальных отношений и бесконечных разветвлений. Текстовый анализ, предлагаемый Бартом, внедряясь в процесс означивания, показывает, как «текст взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве» [1, с. 425]. Мне показалось

интересным и важным прояснить характер чтения, который был бы адекватным как постструктуралистскому подходу к трактовке текста¹, так и во многом противоположному ему герменевтическому, считающему чтение текста процедурой, связанной с истолкованием знаков текста с целью понимания его смысла на основании принципа герменевтического круга и методологии контекстуального анализа. Такое прояснение и стало целью данной статьи.

Очевидно, что указанное Бартом понимание текста и его прочтения не может носить наивного характера, когда читающий руководствовался бы рядом традиционных стереотипов, аксиом: об обусловленности произведения действительностью, о следовании произведений друг за другом, о принадлежности каждого из них автору [1, с. 419]. Эти аксиомы, если и приложимы к произведению, на уровне текстовой ткани утрачивают свою применимость.

Во-первых, в тексте смыслы рождаются не на уровне денотативных отношений произведение-действительность. Фуко отмечал, что современный текст освобожден «от темы выражения», он отсылает к себе самому как к «игре знаков, упорядоченной не столько своим означаемым содержанием, сколько самой природой означающего» [11, с. 13]. Избыточность означающих при отсутствии того означаемого, которое могло бы считаться основанием смысла текста, приводит к тому, что текст существует как цепочка следов, отсылающих к самим себе в бесконечном повторении. Философия постмодерна зафиксировала, что такая итерабельность знака-следа означает, что он может «порвать с любым данным контекстом, породить до бесконечности новые контексты, абсолютно не насыщаясь» [8, с. 47]. Текст лишается конкретного внетекстового означаемого, которое имело бы статус присутствия, поскольку это означаемое бесконечно откладывается на будущее, как бы ожидая своего означающего. Вследствие этого текст утрачивает привязанность к некоему принудительному контексту, обеспечивающему определенность его смысла. Это не означает, что текст имеет смысл вне всякого контекста. Это скорее означает, что бесчисленность контекстов, включающихся в игру смыслопорождения благодаря бесконечности игры следов-означающих, порождает смысловую

бесконечность текста, что в конечном счете равно его бессмысленности. Поэтому пытаться открыть смысл текста в процедуре его отнесения к действительности, руководствуясь наивной установкой, нелепо.

Во-вторых, смыслы устанавливаются не на основании взаимоотношений произведений в линейной последовательности их бытия в данных социокультурных обстоятельствах. Тексты вступают во множественность синтагматических и парадигматических отношений, причем влияют на конституирование смыслов не только современный контекст, но и весь возможный контекст прошлых и будущих текстов. Когда-то еще Бахтин отмечал, что подлинная полнота смысла обретается произведением в контексте большого времени [3, с. 369]. Эта идея стала ключевой при формировании концепции интертекстуальности, выражающей текстуальную гетерогенность, в соответствии с которой текст может рассматриваться как фабрика следов, переплетение различных кодов и прочих текстов, сеть которого порождает бесконечные смыслы. Текст формирует смысл в качестве пространства переплетения других текстов, поэтому эмпирические обстоятельства его истории и конкретный культурный контекст его возникновения утрачивают значимость его смыслового источника. Деррида отмечает, что текст пишется всегда в «отсутствии места», в «не-месте», ибо «только в пустыне слово поэта способно провести свою борозду», то есть «только изобретая не обнаруживаемый и неуказанный путь, прямизну коего и конечность не может обеспечить никакое картезианское решение» [7, с. 111]. Исторический и культурный контекст, таким образом, не предопределяет путь движения языка и жизни текста, некой схемы смыслоконституирования: путь не указан, не заказан. Нет прямого и конечного пути от текста к «месту» и времени его создания, не следует пытаться найти в тексте прямые указания на них и, тем более, искать в них пояснение смыслу текста. Нужно отказаться от той неподвижной буквальности, которая выводит читателя к действительному культурному контексту возникновения текста, создавая иллюзию достоверного знания оснований смысла, в пользу «тревоги и блуждания языка, который всегда богаче знания, всегда обладает большей подвижностью, чтобы пойти дальше мирной оседлой достоверности» [7, с. 116].

И, наконец, в-третьих, смысл текста выявляется не на основании отношений манифестации личности автора в рожденном им творении. Текст не содержит «записи об Отцовстве» [1, с. 419], личная эмпирическая интенция автора на уровне текста оказывается незначимой, наступила смерть автора. Автор может осмысливаться как присутствующий в тексте только как функция, обеспечивающая действительность институциональной системы, которая «обнимает, детерминирует и артикулирует универсум дискурса» [11, с. 30] и не отсылает дискурс к его производителю, а может дать место многим позициям-субъектам, совокупность которых образует имплицитного автора, не тождественного ни реальному индивиду, ни лицу, от которого ведется повествование. Автор, в силу такой постоянной собственной расщепленности, всегда находится «на границе», «у порога» [7, с. 119–120] и не может быть сведен к определенной личности. Фуко настойчиво повторяет от раза к разу: «Какая разница, кто говорит», утверждая это безразличие в качестве фундаментального этического принципа современного письма [11, с. 13]. Если понятно, что текст представляет собой «не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1, с. 388], роль автора может быть осмыслена как глубоко комичная, и именно это знаменует собой истину письма: во власти писателя только использовать «разные виды письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них; если бы он захотел выразить себя, ему все равно следовало бы знать, что внутренняя «сущность», которую он намерен «передать», есть ни что иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов» [1, с. 388–389]. Текст означает, таким образом, не только отсутствие места, но и отсутствие автора, призвание которого состоит в том, чтобы «уметь оставлять слово в одиночестве», чтобы, покинув письмо, «оставить ему проход, чтобы быть прозрачной средой его процессии: быть всем и ничем» [7, с. 112]. Текст, являясь сетью взаимопроникновений различных ассоциаций и кононотаций и механизмом продуцирования множественных смыслов, теряет

привязанность не только к историческому контексту, но и к авторской интенции, к его Я.

Осознание философией обусловленности языком того Я, которое в парадигме классического рационализма выступало безусловным основанием всякого смыслополагания, в контексте проблемы чтения имело своими следствиями устранение авторского и читательского Я как законодательной инстанции установления смысла, безраздельно царствующей в поле означивания. Смысл теперь возможен лишь как результат многомерного взаимодействия элементов внутри текста, имеющего нелинейную природу, и всех возможных текстов. Я думаю, что теперь процедура чтения может иметь только иронический характер, позволяющий чтению отказываться от устойчивых однозначных аксиом прочтения и включаться в бесконечную игру означающих. В ту идеальную игру, которая скользит по поверхности, на границе слов и вещей, устанавливая событие, представляющее одну из своих сторон как смысл предложения, а другую – как атрибут положения вещей, в подвижной точке «кидания игральной кости» [6, с. 87], обеспечивая циркуляцию смыслов как вечное «двойное вопрошание»: «вести» (о прошлом) и «вымысла» (о будущем) [6, с. 85], где нет только остановленного настоящего, могущего в роли означаемого дать повод к единственному, устойчивому смыслу. Ироническое чтение осознает неабсолютность любого прочтения, ибо ироническая позиция и означает стремление «разоблачить *каждое* притязание на значимость просто как конечный вариант бесконечного запаса возможностей, релятивизируя при этом противоречащие друг другу позиции» [10, с. 207]. Кьеркегор утверждал, что ирония уничтожает действительность посредством данной действительности [9, с. 178], то есть она разрушает мнимую значимость существующего таким образом, что оставляет его существовать в таком виде, *как если бы* оно продолжало быть действительным, делая при этом маску «*как если бы*» заметной [10, с. 206]. В нашем случае это должно означать, что ироническое чтение разрушает значимость наивно открытого одного варианта смысла, приписываемого тексту (=обнаруживаемого в нем) и возводимого обычно к авторской интенции, следуя пониманию, что любой текст вследствие своей гетерогенности и

интертекстуальности может содержать любой другой смысл. При этом какое-то время может сохраняться значимость буквального прочтения. Но, как представляется, рано или поздно совершается включение в процесс смслообразования множества контекстов, на которые в данном тексте всегда содержатся указания, к которым отсылают бесконечные намеки, аллюзии, ассоциации, причем, в большинстве своем не предусмотренные автором, что приводит к размыванию границ данного текста и, вследствие этого, к утрате им определенности и единственности смысла. В результате буквальный смысл, открытый наивному взгляду, начинает представлять свою действительность только в модусе «как если бы», подвергнутый ироническому опровержению в его намерениях утвердиться в качестве инициированного автором или читателем тематического единства.

Рассмотренной стратегии текстового анализа, приводящей к размыванию контекстуальных границ, что обрекает текст на неизбежную бесконечность смыслов, может быть противопоставлена стратегия чтения герменевтического типа, которая предлагает интерпретацию текста как носителя скрытой в нем истины и помещает текст в пределы ограниченного горизонта, обеспечивающего определенность его прочтения. Представители такой позиции склонны утверждать, что понимание смысла текста обеспечивается в случае достижения «согласия по существу», когда в результате диалога между автором и читателем конституируется смысл, выражающий существо дела, о котором говорится в данном тексте [4, с. 73]. Насколько утверждение об универсальности иронической стратегии чтения может быть применимо к герменевтической интерпретации текста?

На первый взгляд, в такой процедуре не совершается та абсолютная релятивизация любого установленного смысла, которая характерна для постструктуралистской и подстмодернистской позиций. Кажется, нет никаких оснований отказывать установленному наивным, неироническим прочтением смыслу в значимости и допускать другие возможные смыслы, поскольку представляется, что согласие «по существу» не может и не должно быть множественным. Но герменевтическая установка не отрицает игрового характера чтения и понимания смысла, ибо не может не учитывать, что «каждое определенное и определяющее

понимание действительности манифестирует себя в неопределенном и лишь в бесконечном повторении, определяемом *горизонтом возможностей*» [10, с. 204]. Когда Гадамер утверждает в качестве важнейшей предпосылки понимания предрассудки, он, будучи уверен в возможности достижения истины, скрытой, зашифрованной в тексте, все же вполне отдает себе отчет в различии смыслов, устанавливаемых в разных ситуациях понимания. Каждый успешный новый опыт прочтения приводит не только к приобщению автора и читателя к единой истине, но и устанавливает новый смысл, обусловленный каждый раз новыми предрассудками, то есть новым смысловым горизонтом [5, с. 351]. А это опять-таки приводит к осознанию неабсолютности собственного прочтения и к трактовке смыслоконституирования как бесконечного процесса игры горизонтами ожидания, что уже было мною осмыслено в данной статье как ироническая процедура релятивизации конечного опыта понимания.

Кроме того, герменевтика в конечном счете пришла к осознанию того, что речь всегда есть нечто большее, чем средство для достижения коммуникативных целей, поскольку она «в своем течении самозабвенно веряет себя пробуждающейся в медиуме языка сути дела» [4, с. 65]. Язык отсылает за свои собственные пределы, он не тождественен себе, не совпадает с тем, что обрело в нем слово. Гадамер показывает, как «раскрывающийся здесь герменевтический горизонт языка делает явными границы объективизации мыслимого и сообщаемого» [4, с. 65], что можно понимать в том отношении, что текст всегда содержит под непосредственно явленным в словесной форме буквальным смыслом выражения некий глубинный смысл, всегда ускользающий от схватывания его словом, который и необходимо искать в процессе герменевтического истолкования знаков текста. Ведь дальше Гадамер анализирует две формы, какими речь отсылает за свои пределы: первая – это «несказанное в речи и все же именно посредством речи приводимое к присутствию», вторая – «самой речью утаиваемое» [4, с. 65]. Наивное чтение, которое я в этой статье противопоставляю ироническому, принимает за чистую монету однозначность выражения, опираясь как на смысловую основу именно на прямые значения выражения, что делает в принципе невозможным выйти к обозначенной

герменевтикой смысловой основе, касающейся «сути дела» и всегда остающейся за пределами высказанного. Правда, в тексте всегда содержатся знаки, указания, намеки на этот скрытый смысл, иначе он в принципе был бы недостижим. Наивное чтение оказывается невнимательным к ним, не учитывающим их в своем установлении смысла текста. Ироническая же установка ориентирована на поиск указаний, выводящих к тому, что существует за границей текста, ибо она обременена знанием разных возможностей интерпретации. Ироническая установка позволяет усвоить все элементы окказиональности, сопровождающие высказывание, искать за сказанным тот вопрос, ответом на который является данный текст, без открытия которого смысл текста всегда будет оставаться неполноценным, недостижимым. Именно отнесенность к вопросу и есть той формой, какой себя может показать в сказанном то, что не сказано [4, с. 66], но что мы обязаны усмотреть, ибо это подлинная смысловая основа текста. Таким образом, сама природа речевого функционирования, открытая герменевтикой, предполагает ироническое отношение к тексту, исключающее возможность принять в качестве его смысла прямое значение выражения.

Мне кажется, можно придти к заключению, что две противоположные стратегии текстового анализа не исключают иронию как способа чтения, а, наоборот, предполагают обязательность иронической установки по отношению к попыткам наивного установления единственного варианта смыслоустановления. Рамки данной статьи позволяют только констатировать следующее. Ирония освобождает от наивного понимания:

- отношений между автором-функцией и автором-человеком;
- отношений между автором и героем или автором и предметом письма;
- отношений между текстом и действительностью;
- смысла как буквального значения элементов текста.

Ирония позволяет:

- открыть имплицитного автора;
- творчески устанавливая смысл текста, не ограничиваясь одним-единственным прочтением, включаясь в игру возможностями;

- различать текст как ткань взаимодействий следов и внутренний мир произведения и играть с их отношениями;
- отказаться от только буквального прочтения, нацелившись на подтекст, формируемый в процессе смысловой игры на основании включения системы коннотаций как фактора смыслоустановления.

Указанное требует дальнейшего исследования, более подробно описывающего все детали обнаруженных последствий принятия иронии в качестве универсальной стратегии чтения.

Примечания

1 Здесь имеются в виду тексты любых жанров и стилей – художественных, публицистических, научных, философских и т. д.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Барт Р. Критика и истина. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX и XX вв. Тракаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 349-422.
3. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
6. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Издательский Центр «Академия», 1995. – 230 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический Проект, 2000. – 495 с.
8. Деррида Ж. Подпись – событие – контекст // Дискурс. – 1996. – №1. – С.39-55.
9. Киркегор С. О понятии иронии // Логос. – 1993. – №4. – С. 176-198.
10. Лембек К.-Х. «Естественные» мотивы трансцендентальной установки? К проблеме метода в феноменологии // Феноменологія і філософський метод: Щорічник Українського феноменологічного товариства 1999 р. – К., 2000. – С. 195-212.
11. Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер с франц. – М. Касталь. – М.: Магистериум; Касталь, 1996. – С. 7-46.